

АЛЕК ЭПШТЕЙН,

преподаватель кафедры социологии и политологии Открытого университета Израиля в Тель-Авиве и отделения социологии Иерусалимского университета (Израиль)

НИНА ХЕЙМЕЦ,

магистрант кафедры педагогики и лингвистики Иерусалимского университета (Израиль)

НАТАН ПАТЛАС,

доктор медицины, директор Центра по академическим и образовательным связям со странами СНГ и Балтии (Израиль)

**Ученые-репатрианты из бывшего СССР:
социально-языковая самоидентификация и
профессиональная интеграция в Израиле**

Abstract

The purpose of this study is to analyze various sociological and psychological factors that influence the immigrant scientists' integration into the Israeli society in general, and its academic community in particular. To examine the abovementioned aspects, the questionnaire containing 135 multiple-choice questions has been composed. The number of respondents amounted to 130, which constituted 1% of the number of scientists from the former Soviet Union who live in Israel.

Special attention is paid to the analysis of the immigrant scientists' multilingual identity. This study examines the effect of the foreign language studied within the formal education framework on one's adjustment to the host society as well as on his/her estimation of the chances to succeed in the new circumstances. The previous studies conducted in this field juxtaposed Russian with Hebrew, assigning English with merely an instrumental function and thus ignoring its importance for the immigrants'

self-image. In this study English is considered a crucial factor which does not only influence the process of one's adaptation to the new society, but also takes part in shaping the patterns of one's integration into it.

Израиль — страна эмигрантов, и израильская наука, как и любая другая отрасль общественной и экономической жизни, создавалась совместными усилиями ученых из разных стран. Среди отцов-основателей Еврейского университета в Иерусалиме, основанного еще в 1925 году, за 23 года до создания независимого Государства Израиль, были профессоры из Германии и Чехии, из Соединенных Штатов и из Польши. На протяжении более чем тридцати лет Еврейский университет в Иерусалиме сохранял монополию на исследовательскую и преподавательскую деятельность в области гуманитарных и общественных наук. В области естественнонаучных дисциплин с ним соперничали Хайфский технологический институт (Технион) и Институт им. Вейцмана в Реховоте. В 1955–1975 годах в различных городах Израиля были основаны пять университетов — Тель-Авивский, Бар-Иланский, Хайфский, Беэр-Шевский и Открытый университет Израиля. Среди ученых, создававших эти вузы, преобладали уроженцы страны и выходцы из западных стран. “Железный занавес”, препятствовавший не только выезду евреев из Советского Союза, но и научным контактам между учеными из стран Восточной Европы и их коллегами из западных стран, на долгие годы разлучил ученых из СССР и Израиля.

Свою первую значительную интеллектуальную подпитку из России израильская наука получила в начале 1970-х годов, когда советские власти открыли двери для массовой эмиграции евреев. В 1973 году специальным постановлением правительства Израиля в рамках Национального совета по исследованиям и развитию был открыт Правительственный Центр абсорбции ученых. Непосредственным поводом к этому стало прибытие в страну сотен ученых-эмигрантов из бывшего СССР. Возникла объективная необходимость создать специальный орган, который не только способствовал бы профессиональной интеграции этой группы репатриантов в израильскую научную среду, но и обеспечивал бы создание условий для оптимального использования ее потенциала на благо развития израильской науки, как теоретической, так и прикладной. Решение Кабинета министров от 24 июня 1973 года утвердило статус организационных структур Центра, его функции и бюджет. В конце 1975 года Центр был переведен в подчинение Министерства абсорбции, так как различные показатели свидетельствовали о том, что проблему профессионального трудоустройства репатриантов желательно решать в контексте всего комплекса их социально-интеграционных проблем.

К началу 1989 года, то есть до начала последней волны эмиграции, Центр оказал помощь 3500 ученым. Работодатели получили финансовые дотации на трудоустройство 2500 ученых, 65% из которых нашли работу в университетах и других высших учебных заведениях; 20% — в правительственных и общественных учреждениях, больницах и лабораториях; 15% — в промышленности. За годы существования Центра, при его содействии было

основано более 50 временных исследовательских групп для реализации различных научных проектов [1].

Начиная с 1988 года, в Израиль прибыли более 13000 ученых из бывшего СССР. С одной стороны, Министерство абсорбции способствовало реализации немалого числа различных проектов, призванных поддержать ученых-репатриантов — от Фонда Шапиро, выплачивающего стипендию ученым в различных промышленных и исследовательских лабораториях, до программы трудоустройства выдающихся ученых КАМЕА, финансирующей зарплату специалистов, работающих в университетах на постоянной основе. С другой стороны, готовность израильских государственных структур к достойной профессиональной интеграции столь большого числа ученых-иммигрантов далеко не всегда можно признать удовлетворительной. «Многие “русские” ученые надеялись, что после стольких лет борьбы и лишений их будут воспринимать как героев, — говорит Джозеф ван Цварен, директор отдела точных дисциплин в Министерстве науки. — К сожалению, в реальности это оказалось не совсем так” [2].

В течение первых десяти лет нынешней иммиграционной волны (1989–1999) лишь 303 ученых из бывшего СССР получили постоянные штатные должности в израильских университетах, из них 72 — в отдаленном от центра Беэр-Шевском университете и только 25 — в наиболее престижном Еврейском университете в Иерусалиме [см.: 3]. Значительное число новоприбывших специалистов не могут получить должности, соответствующие их квалификации, знаниям и опыту. Для достижения успеха в борьбе за получение должностей в научно-исследовательских структурах и в попытках закрепиться на них инициативная группа ученых из стран СНГ зарегистрировала в 1993 году Союз ученых-репатриантов Израиля (СУРИ), целью которого стало лоббирование на формальном и неформальном уровнях вопросов, касающихся профессиональной интеграции и улучшения условий труда ученых-иммигрантов. Сегодня СУРИ — это всеизраильская ассоциация ученых-репатриантов, состоящая из 40 региональных и профессиональных организаций. Ее основной задачей является долгосрочное сотрудничество с государственными институтами с целью эффективного использования профессионального потенциала новых репатриантов для дальнейшего развития израильской науки и экономики. СУРИ борется за создание в большей мере ориентированной на практику научной системы, которая могла бы помочь в достижении общенациональных целей и решении конкретных задач.

В течение многих лет Израиль считался страной с сильной государственной системой и малоразвитой сетью независимых общественных организаций [4]. Однако со временем в Израиле стало формироваться независимое гражданское общество. Израильский третий (неправительственный и некоммерческий) сектор увеличивал свои ресурсы и расширял сферу деятельности, благодаря чему его вес в сегодняшнем обществе заметно возрос [5]. В этой связи следует сказать, что в создании учеными-иммигрантами общественной организации, призванной, по их мнению, более эффективно выполнять те функции, которые не выполняются должным образом соответствующим государственным учреждением, вписывается в общую динамику происходящих в Израиле процессов. Основные задачи СУРИ сходны с задачами Правительственного Центра абсорбции ученых.

Любопытно, что многие представители данной ассоциации, безусловно принадлежащей к третьему (неправительственному) сектору, настаивают на том, что государственные учреждения должны играть значительно более активную роль в профессиональном трудоустройстве ученых-репатриантов. Во многом подобные настроения и устремления свидетельствуют о недостаточно адекватном понимании учеными-иммигрантами социального контекста, в который они попадают. Последняя волна иммигрантов из бывшего СССР прибыла в Израиль в то время, когда ценности коллективизма отошли в прошлое, а вмешательство властей в частную жизнь граждан, равно как и влияние на их благосостояние, свелось к минимуму [6]. Произшедшие идеологические перемены нашли свое выражение в политике “прямой абсорбции”, в рамках которой вместо того, чтобы оказывать репатриантам услуги в сфере абсорбции, государство выделяет им денежное пособие, с помощью которого они должны по своему усмотрению планировать собственную жизнь, включая выбор жилья и места работы, исходя из тех возможностей, которые предоставляет свободный рынок. Принимая во внимание известный тезис Бернарда Барбера о том, что либеральные социальные структуры в наибольшей степени способствуют эффективному развитию науки, в то время как авторитарные, по определению, лишь подавляют научную инициативу [7], можно сказать, что подобная политика государства является достаточно адекватной для развития творческого потенциала ученых-иммигрантов. Тем не менее, отдельные представители израильского русскоязычного научного сообщества убеждены, что политика “прямой абсорбции” должна быть прекращена; вместо этого “необходимо начать политику регулируемой абсорбции, которая могла бы быть реализована Центром абсорбции ученых, целью которого должно стать централизованное обеспечение ученым возможности работы по специальности” [8]. Среди других задач СУРИ стоит упомянуть о создании блока информационных услуг, базы данных и коммуникационных сетей, а также содействие в налаживании контактов между учеными-репатриантами и их израильскими и зарубежными коллегами. Одним из важнейших проектов СУРИ должна стать организация сети курсов и семинаров для исследователей по изучению возможностей сети Интернет, патентного права, а также иврита и английского языка.

Несмотря на тот факт, что основные задачи СУРИ сходны с задачами Правительственного Центра абсорбции ученых, ученые-репатрианты открыто критикуют государственную политику в области профессиональной интеграции. В большинстве случаев критике подвергается не стратегия, а эффективность и методы работы государственных учреждений. Необходимо упомянуть, что согласно постановлению правительства об открытии Центра абсорбции ученых (1973), “научная деятельность репатриантов не должна ограничиваться какими-либо специальными рамками. Основной целью проекта является интеграция специалистов-репатриантов в те структуры, где они смогут работать совместно с учеными-старожилами”. Более того, очевидно, что официально утвержденные основные направления деятельности Центра предусматривают привлечение репатриантов большей частью не в академическом институты, а в промышленные и сельскохозяйственные структуры [9]. Многие ученые-репатрианты выражают открытое недовольство подобным подходом, утверждая, что для них возможность

работать именно в научно-исследовательских институтах — вопрос чрезвычайной важности.

Кроме того, многие ученые, работающие в академических институтах, стремятся к большей независимости. Хотя степень профессиональной автономии ученых в Израиле в целом выше, чем в бывшем Советском Союзе, ученые-репатрианты все же недовольны существующей ситуацией, так как не обладают желаемой свободой действий. В результате, немало ученых-репатриантов заявляет о своей поддержке идеи создания альтернативных исследовательских и академических структур под патронажем международного русскоязычного университета в Израиле [см., напр.: 10].

Создание Союза ученых-репатриантов Израиля (равно как и появление аналогичных организаций израильской русскоязычной интеллигенции, таких как Союз учителей-репатриантов и сеть школ МОФЕТ, занимающихся внедрением в Израиле новых образовательных программ [см.: 11], а также разветвленная сеть русскоязычной прессы, театров и издательств) представляет собой один из самых удачных примеров консолидации в среде постсоветской интеллигенции в Израиле. Важно отметить, что социологический анализ консолидационных тенденций в среде ученых из бывшего СССР должен стать интегральной частью всеобъемлющего рассмотрения общей динамики общинного развития и объединения русскоязычных жителей Израиля [см.: 12]. Несмотря на все различия между ними, большинство иммигрантов ощущают свою принадлежность к единой “русской” общине, и это ощущение “русскости” во многом формируется из-за ощущения недостаточной востребованности израильским обществом. Наличие в стране колоссального числа адептов русской культуры имеет также чрезвычайно важный экономический аспект: существует большой спрос на культурную продукцию, язык и даже на традиционные для русской кухни продукты питания, что делает автономные “русские” структуры в Израиле экономически жизнеспособными. Появление русских общин (не только русско-еврейских) в Северной Америке и Западной Европе, а также возможность беспрепятственного общения между ними явились новой страницей в жизни международного русскоязычного сообщества. Данные тенденции во многом способствовали кристаллизации русского самосознания в Израиле.

При анализе сложившейся ситуации необходимо подчеркнуть, что выбор русского языка как основного не означает автоматической приверженности идее секторального обособления. Местная русскоязычная пресса старается отражать весь спектр мнений общины по этому вопросу, колеблющийся от стремления к геттоизации до полной интеграции в израильское общество [см.: 13]. Хотя большинство репатриантов довольно быстро овладевает ивритом, что помогает им в поисках работы и просто делает их жизнь более разносторонней и насыщенной, постсоветская еврейская интеллигенция, тем не менее, негативно относится к национальной политике в отношении языка, обязывающей всех иммигрантов учить иврит, что напоминает им об аналогичном принудительном подходе советских властей, направленном на тотальную русификацию [см.: 14]. Именно в силу успешного проведения в жизнь в Советском Союзе подобной политики подавления в отношении национальных языков, в том числе иврита и идиша, советская еврейская интеллигенция стала считать русский своим основным языком. В наши дни самосознание российской еврейской интеллигенции состоит из

уникального сплава приверженности, с одной стороны, своим национальным корням, а с другой — великой русской культуре, в создании которой среди прочих принимали участие и евреи — писатели и поэты. Таким образом, не стоит удивляться тому, что социолингвистические исследования выявили, что русскоязычные евреи (включая и тех, кто иммигрировал в Израиль) считают для себя русский язык более важным в плане культуры, нежели иврит [15]. Другими словами, русскоязычная еврейская интеллигенция стремится к языковому равноправию и мультилингвизму: она хотя и признает иврит и базирующуюся на нем культуру, но, тем не менее, сохраняет свое собственное культурное и языковое самосознание.

Языковой фактор является одной из основных преград интеграции иммигрантов в любом новом обществе, и случай ученых из стран СНГ в Израиле — не исключение [см., напр.: 16]. Но несмотря на то, что за десять лет большой алии различными инициативными группами был выдвинут целый ряд программ по интеграции ученых-иммигрантов в израильскую науку, а некоторые из этих программ (проект Гилади, КАМЕА, программа БАШАН) были одобрены и утверждены правительством, до сих пор не было проведено серьезного и всеобъемлющего исследования профессиональной интеграции и самоидентификации российских ученых в Израиле. Настоящая работа является первой попыткой оценить перспективы и проблемы трудоустройства ученых-репатриантов после нескольких лет реализации проекта Гилади, а также попыткой найти социально-психологические причины, мешающие успешной адаптации ученых-репатриантов в израильскую науку.

Приведенные в этой статье результаты исследования базируются на обзоре проанализированной нами литературы, посвященной интеграции ученых-иммигрантов в разных странах мира и анализе собранных нами данных. Наша выборка включает 130 респондентов — ученых-репатриантов из всех израильских университетов, многих научно-исследовательских институтов и частных фирм, а также ученых, не работающих в настоящее время (13% от общей выборки, что соответствует общему уровню безработицы среди репатриантов в третьем квартале 1999 года — на момент распространения и сбора анкет).

В любой новой стране компасом, регулирующим социальную жизнь иммигрантов, являются определенные ценности, знания и опыт, привезенные ими из страны, где они родились, выросли, прошли социализацию и сформировались как профессионалы в той или иной области. Этот набор ценностей, навыков и знаний, как правило, способствует их успешной интеграции, однако отдельные элементы из сформированных культурным репертуаром страны исхода могут противоречить нормам, ценностям или структурным особенностям новой для них среды. Степень успешности внедрения иммигрантов на рынок труда также зависит от “конвертируемости” их знаний и способностей в данном конкретном обществе. Результаты многочисленных исследований, проведенных в разных странах, позволяют сделать несколько общих выводов. Во-первых, чем выше сходство между структурой экономики и рынка труда в стране исхода и стране иммиграции, тем выше вероятность того, что квалификация, необходимая для выполнения определенной работы в стране исхода, будет признана достаточной соответствующими организациями в новой стране. Во-вторых, если одни

профессии (например, электрика или программиста) требуют идентичной квалификации в странах с различной социально-политической структурой, то специфика других (таких, как юрист, бухгалтер, медицинский работник) в каждой стране различна и требует детального знания местных законов и правил [17]. В этой связи следует отметить, что профессия ученого является высоко “конвертируемой”; ученые, в особенности из сферы точных и естественных наук (кстати, составляющие подавляющее большинство среди специалистов, приехавших в Израиль из постсоветских республик), нуждаются для успешной работы в тех же знаниях и условиях, которые были необходимы им в странах исхода.

Восприятие новыми репатриантами израильской науки и своих коллег-старожилов, равно как и стереотипы, присущие израильским ученым в их отношении к коллегам из бывшего СССР, несомненно, играют чрезвычайно важную роль в процессе интеграции ученых-репатриантов. Вместе с тем, проблема состоит в том, что, согласно развитой американским психологом Г.Келли теории каузальной атрибуции, ожидания строятся на основе информации, считающейся достоверной, и пользующейся высокой степенью доверия. В данном случае, проблема состоит в том, что израильские ученые и научные организации, занимающиеся абсорбцией специалистов-репатриантов, не имеют никаких сведений о специфических обстоятельствах (включая политическую ситуацию), в которых развивалась советская наука в различные периоды. В своей книге, опубликованной вскоре после возвращения из длительной поездки в Москву в 1945 году, профессор ботаники Манчестерского университета Эрик Эшби отмечал, что, “несмотря на силу пропаганды, не существует серьезных различий между научными структурами в Советском Союзе и в других странах. Судя по документам, ученые работают строго по плану, любое исследование так или иначе связано с государственными интересами. Госплан частично передал полномочия по планированию в области науки в ведение Академии наук, которая публикует подробные отчеты, согласованные с ведущими структурами Госплана. Но на деле ситуация иная: планирование скорее мешает нежели помогает научным исследованиям, и это понимают и в самой Академии наук. Планирование в такой области, как наука, совершенно неуместно, и было бы ошибкой предполагать, что советская наука достигла своих высот благодаря ему. В действительности же это произошло исключительно благодаря блестящим способностям самих ученых” [18].

Многие израильские бюрократы от науки недооценивают понимания российскими учеными того очевидного факта, что давление и планирование извне губительны для науки. В таких областях, как генетика растений, где наука оказалась бессильна выполнить поставленные перед ней задачи, или экономика, где найденные решения не соответствовали политическим намерениям, попытка оказать на ученых давление для достижения поставленных целей приводила к прямо противоположному результату. Ни тяжелый жизненный путь российских биологов (таких как Владимир Эфроимсон, Илья Раппапорт, Николай Тимофеев-Рессовский и др.), продолжавших свои исследования в области генетики даже в годы лысенковского беспредела в отношении естественных наук, ни посвященные развитию советской науки западные исследования, отмечающие “коренные различия между периодами до и после 1956 года, особенно в области взаимоотноше-

ний науки и политики” [19], и сообщающие о манипулятивной подгонке политических лозунгов и заявлений к нуждам каждого конкретного исследования и об использовании политических средств для “вытягивания” того или иного научного проекта — все это, к сожалению, практически неизвестно тем израильским организациям, которые занимаются профессиональной абсорбцией ученых из стран СНГ и Балтии.

Дополнительная проблема состоит в том, что, по представлениям значительной части израильских ученых и чиновников, профессиональный уровень многих ученых из бывшего СССР не соответствует западным стандартам, что, правда, относится не ко всем дисциплинам: в то время как математики пользуются очень высоким авторитетом, в отношении к биологам до сих пор сказываются отголоски эпохи Лысенко. Как сказал в интервью журналу “*Science*” один из руководителей Технологического университета им. Вейцмана, “нет никакой надобности проводить специальное исследование, чтобы понять, что наша наука получила математиков высочайшей квалификации и биологов, достижения которых стремятся к нулю” [2]. Сходным образом израильские коллеги игнорируют приехавших из стран СНГ социологов и экономистов.

По нашему мнению, желательно по мере возможности расширить представления израильских ученых и соответствующих государственных организаций о развитии и сегодняшнем состоянии науки в России и других странах СНГ. Многие Израильские ученые и ответственные работники государственных учреждений имеют крайне далекую от действительности картину развития в СНГ таких дисциплин, как биология и социология. В этой связи представляется крайне важным организовать совместные семинары для ученых-репатриантов и их израильских коллег, посвященные сравнительному анализу развития той или иной научной отрасли в Израиле и в странах СНГ.

Еще одной проблемой является то, что профессора израильских университетов и руководители наукоемких производств зачастую утверждают, что подготовка, знания и опыт ученых из стран бывшего СНГ имеют иную специфику, нежели та, которая может быть востребована в Израиле; что некоторые из этих ученых принимают участие в разработке проектов, давно потерявших свою актуальность. По их мнению, специалисты советского склада не способны интегрироваться в свободную, конкурентную научную систему западного типа и сами говорят о своей неприспособленности к “рекламированию и продаже” собственных знаний и достижений. Израильские ученые нередко бывают озадачены тем, что они расценивают как отсутствие личной инициативы со стороны их коллег из СССР, которые “хотят, чтобы им давали конкретные указания” и просто “не знают, как самостоятельно подготовить исследовательский проект”. Подобная точка зрения израильских ученых, вне зависимости от того, насколько она соответствует реальности (до самого последнего времени советские ученые, за редким исключением, практически не имели никаких контактов со своими коллегами из-за рубежа, а потому восприятие их израильскими учеными, как правило, основывается не на личных впечатлениях, а на расхожих стереотипах), безусловно, серьезно влияет не только на межличностные взаимоотношения между коллегами, но и на возможность получения учеными-им-

мигрантами рабочих мест в израильских научных и академических институтах.

В бывшем Советском Союзе многие ученые, особенно в сфере естественных и инженерных наук, на протяжении десятилетий функционировали прежде всего как члены научного коллектива, за которыми были закреплены конкретные участки работы. Подобная практика не является широко распространенной в Израиле, где каждый научный сотрудник старшего и среднего звена обладает знаниями и навыками, необходимыми для проведения полного цикла научного исследования — от подачи проекта на грант до публикации результатов исследования в соответствующей научной периодике. Отсюда вытекает насущная необходимость организации краткосрочных семинаров, в ходе которых были бы детально рассмотрены “правила игры”, принятые в израильской науке (какие существуют фонды и каковы условия подачи заявок на гранты в каждом из них, какие международные конференции проходят регулярно и какова степень престижности каждой из них, на основании каких критериев происходит статусное продвижение ученых в университетах и научно-исследовательских институтах, к каким международным и национальным интернетовским дискуссионным и информационным группам полезно присоединиться представителям различных профессий и т.д.). Кстати сказать, более половины респондентов, в том числе и работающих в израильских академических институтах, отметили недостаток информации в этой области.

Российских ученых отличают высокие ожидания относительно практического применения результатов их научных разработок. В таблице, в которой было представлено десять характеристик важности научной работы, положение о необходимости максимально полного использования и практического применения знаний и навыков ученого было определено респондентами как наиболее важный фактор, влияющий на степень удовлетворенности ученых-репатриантов результатами своего труда (для сравнения: хорошая зарплата была оценена лишь как шестой по важности показатель), причем подобное отношение характеризует иммигрантов как 90-х, так и 70-х годов (данные о социокультурных ориентациях иммигрантов прошлой волны были собраны коллективом исследователей во главе с проф. Ниной Торен в середине 70-х годов), то есть речь идет о стабильной социокультурной модели (см. табл. 1). Положения о важности контактов с высококвалифицированными коллегами и о возможности внести вклад в науку также были выделены респондентами (третье и четвертое место, соответственно). Подобное отношение к работе позволяет ожидать, что результаты труда ученых-репатриантов внесут значимый вклад в дальнейшее развитие науки и хозяйства страны.

Итак, положение о необходимости максимально полного использования и применения знаний и навыков ученого было определено респондентами как наиболее важный фактор, влияющий на степень удовлетворенности ученых-репатриантов результатами своего труда. Хотя 60% ученых-репатриантов работали на момент проведения опроса, только около трети опрошенных (34%) сообщили о том, что их знания, умения и навыки полностью используются на их рабочем месте; почти половина опрошенных (45%) отметили, что знания и результаты труда используются недостаточ-

но, в то время как 21% респондентов отметили, что их знания и навыки не используются вовсе.

Таблица 1

Факторы удовлетворенности ученых-репатриантов научной работой

Факторы удовлетворенности	Ответили	Средняя оценка	Стандартные отклонения	Ранг* (N = 130)
Возможность наиболее полного использования и практического применения своих знаний и навыков	115	3,41	.58	1
Хорошие условия работы	119	3,31	.56	2
Контакт с квалифицированными коллегами	121	3,30	.61	3
Возможность внести вклад в науку	116	3,29	.72	4
Свобода в выборе тем и задач научного исследования	115	3,27	.74	6
Хорошая зарплата	119	3,26	.63	8
Возможность внести вклад в развитие израильского общества	101	2,88	.95	5
Возможность продвижения по службе	116	2,77	.86	9
Возможность завоевать признание коллег в стране и за рубежом	114	2,75	.86	7
Возможность оказывать влияние на общее направление деятельности организации, где Вы работаете	113	2,50	.88	10

* Ранжирование факторов по результатам опроса ученых из СССР в Израиле в 1973–1975 годах см.: [20].

В начале 1990-х Министерство науки заказало доктору Шмуэлю Шаю и его коллегам проведение исследования об интеграции ученых-репатриантов. Это исследование включало и опрос израильских ученых, работавших с учеными-репатриантами; среди прочего, им был задан вопрос, достойны ли те того, чтобы продолжать работу на том же месте, где они работают в настоящий момент. От 80% до 100% израильтян ответили: “Да, достойны”. На вопрос “достойны ли ученые-репатрианты того, чтобы занимать руководящие посты в науке?” от 35% до 55% опрошенных также ответили: “Достойны”. “Считаете ли вы, что ваш коллега ученый-репатриант обладает высокими шансами остаться с вами на том же месте работы и после прекращения государственной поддержки?” — на этот вопрос Шмуэля Шаю положительно ответили от 17% до 28% опрошенных. Ни профиль работы, ни знание языков, ни наличие публикаций не были выявлены как факторы, могущие серьезно повлиять на перспективы постоянного трудоустройства ученых-репатриантов. По мнению израильских ученых, из-за острого де-

фицита ставок и научно-исследовательских бюджетов, шансы их “русских” коллег остаться в университетах и научно-исследовательских институтах после прекращения государственной поддержки были весьма невелики – при том, что, по утверждению израильских специалистов, их коллеги-репатрианты были достойны того, чтобы продолжать (и даже возглавлять) начатые исследования [21].

С тех пор прошло семь лет, но большая часть научных работников из бывшего СССР по-прежнему не имеют постоянных ставок. Данные проведенного нами опроса свидетельствуют, что отсутствие стабильности в работе является основной проблемой ученых-репатриантов (табл. 2). Причем низкая зарплата и экономические проблемы в семье волнуют ученых-репатриантов значительно больше, чем отношения с начальством и коллегами или недостаток информации о правах и возможных местах работы. Иначе говоря, даже относительно успешная социальная интеграция отнюдь не является гарантией ощущения финансовой стабильности и уверенности в завтрашнем дне.

Таблица 2

Степень важности проблем, возникающих в процессе абсорбции ученых-репатриантов (N = 130)

Основные проблемы	Не ответили	Средняя оценка	Стандартное отклонение
Непостоянный характер работы	29	3,33	.80
Низкая зарплата	27	3,28	.57
Экономические проблемы в семье	31	3,26	.74
Невостребованность знаний и навыков	33	3,24	.70
Плохая организация работы	37	3,22	.69
Образовательные проблемы детей и внуков	41	3,21	.91
Трудности в изучении иврита	23	3,21	.85
Нехватка оборудования и материалов	38	3,16	.72
Плохие жилищные условия	40	3,16	.76
Плохие отношения с начальством	39	3,14	.82
Напряженные отношения с коллегами	43	3,08	.85
Нежелание израильских ученых принять идеи и методы работы ученых-репатриантов	36	3,05	.83
Чрезмерный бюрократизм	35	3,02	.82
Недостаток информации о правах ученых-репатриантов	31	3,01	.84
Недостаток информации о возможных местах работы ученых-репатриантов	35	2,97	.86
Рутинный характер работы	44	2,84	.82
Отсутствие возможности продвижения	24	2,88	.86
Жаркий климат	34	2,29	1.00

Неослабевающая острота проблем профессиональной интеграции ученых-репатриантов во многом обусловлена тем, что все программы государственной поддержки носят временный характер. На протяжении трех лет ученые-иммигранты получают так называемую стипендию Шапира, после чего могут претендовать на получение стипендии Гилады. По завершении срока выплаты стипендии Гилады наиболее выдающиеся (по мне-

нию руководителей университетов) ученые могут претендовать на участие в проекте КАМЕА. Важно отметить, что каждая последующая программа отличается все более узкими рамками: например, проект КАМЕА может охватить не больше 500 человек; иными словами, не более четырех процентов (!) прибывших в страну ученых.

На наш взгляд, интеграцию ученых тормозит также то обстоятельство, что их проблемы призвано решать Министерство абсорбции, “социальное” министерство, опекающее самых слабых. Если Министерство науки занято развитием и продвижением перспективных исследований и проектов, то “социальное” министерство ориентируется почти исключительно на социальную поддержку опекаемых им иммигрантов. Многие ученые-репатрианты, опекаемые министерством абсорбции, имеют десятки научных публикаций, их имена известны в научном мире, и, тем не менее, они оказываются в одной нише с социально неблагополучными категориями. Как уже было отмечено, в 1973 году в рамках управления по научным исследованиям и развитию при канцелярии премьер-министра был создан Центр абсорбции ученых, то есть проекту придавался национальный статус. Через два года, однако, центр был передан в ведение Министерства абсорбции, где был образован отдел науки. В 1989 году Министерство науки вновь обратилось к проблемам ученых-репатриантов, организовав для них отдел абсорбции, но уже в 1994-м этот отдел был расформирован, а все его программы свернуты [22].

Однако не все определяется государственными структурами — многое зависит и от самих ученых. Так, следует отметить, что нами были найдены факторы, безусловно увеличивающие шансы на успешную профессиональную и социальную интеграцию ученых из бывшего СССР в Израиле. Как неопровержимо следует из статистического анализа (см. представленные в табл. 3 результаты многофакторной регрессии (multiple regression)), знание учеными-репатриантами английского языка является наиболее важным из этих факторов. Как отмечалось выше, положение о необходимости максимально полного использования и практического применения знаний и навыков ученого было определено учеными-репатриантами как наиболее важный показатель, влияющий на степень их удовлетворенности результатами своего труда. Факт знания английского языка позволяет с наибольшей (в сравнении с другими характеристиками) точностью предсказать, насколько тот или иной ученый удовлетворен (или не удовлетворен) использованием и практическим применением его знаний и навыков.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что знание английского языка значительно улучшает самоощущение ученых-иммигрантов в Израиле, причем в этой связи английский язык играет значительно более важную роль, чем иврит (первый государственный язык страны). Как отмечалось выше, возможность в полной мере использовать и применять практически свои знания и навыки воспринимается учеными-иммигрантами как наиболее важная составляющая профессиональной удовлетворенности. Сравнение между учеными, владеющими английским языком (60% от общей выборки), и их коллегами, изучавшими в школе и в вузе другие языки (30% ученых учили немецкий, 8% — французский, 2% — другие языки), показало, что в то время как среди владеющих английским 58% ученых имеют возможность использования и практического применения своих знаний и на-

выков, то среди не владеющих английским такую возможность (по их собственным словам) имеют лишь 33% опрошенных. Подобная разница (статистически выраженная с вероятностью ошибки менее 1%) существует между говорящими и не говорящими по-английски также и в том, что касается поддержания контактов с квалифицированными коллегами (88% против 70%), а также использования Интернета в научной работе (75% против 57%). Очевидно, что использование Интернета само по себе не приводит к великим открытиям и научным свершениям, однако является источником регулярного “освежения” научной информации, необходимого как для обзора профессиональной литературы, так и для налаживания контактов с коллегами в разных странах мира.

Таблица 3

Степень удовлетворенности ученых-репатриантов их профессиональной и социальной абсорбцией в зависимости от знания ими английского языка (N = 130)

Варианты ответов	Ответы	Процент положительно ответивших на данный вопрос среди владеющих английским языком (N=78)		Процент положительно ответивших на данный вопрос среди не владеющих английским языком (N=52)		Согласно критерию χ^2	
		N	%	N	%	Значение	Значимость
Я имею возможность полного использования и практического применения своих знаний и навыков	111	38	57,6	15	33,3	6,303	Значимо*
Я поддерживаю контакты с квалифицированными коллегами	114	59	88,1	33	70,2	5,649	Значимо*
У меня есть возможность внести вклад в науку	111	46	70,8	27	58,7	1,744	Незначимо
Я использую Интернет в своей научной работе	124	55	75,3	29	56,9	4,692	Значимо*

* Значимо, $p < 0,01$.

При анализе влияния иммиграции в Израиль на ощущение профессиональной самореализации ученых также было обнаружено важное значение знания английского языка. Во всем, что касается возможности продуктивного контакта с коллегами, участия в научных конференциях и воз-

возможности ознакомления с научными публикациями, ученые, знающие английский язык, значительно превосходят своих коллег, учивших немецкий и французский (см. табл. 4). В то время как среди ученых, владеющих английским, от 50% до 60% отметили положительное влияние иммиграции на развитие их научной карьеры (очень высокий показатель, в особенности учитывая тот факт, что средний возраст опрошенных в момент иммиграции приближался к 50 годам), среди ученых, не владеющих английским, этот показатель примерно на 15% ниже.

Таблица 4

Влияние иммиграции в Израиль на ощущение профессиональной самореализации ученых (N = 130)

Иммиграция в Израиль позволила мне ...	Ответили	Процент положительно ответивших на данный вопрос среди владеющих английским языком (N=78)		Процент положительно ответивших на данный вопрос среди не владеющих английским языком (N=52)		Согласно критерию χ^2	
		N	%	N	%	Значение	Значимость
... встретиться с коллегами, повлиявшими на мои научные интересы	120	43	62,3	22	44,9	3,515	Значимо*
... ознакомиться с неизвестными прежде научными публикациями	118	37	52,9	15	31,3	5,393	Значимо**
... принять участие в большем количестве научных конференций	120	39	56,5	21	41,2	2,762	Незначимо

* Значимо, $p < 0,05$; ** Значимо, $p < 0,01$.

Существующие проблемы в сфере профессиональной абсорбции ученых частично вызваны отсутствием в государственных учреждениях адекватной информации. Трудно признать оправданным тот факт, что соответствующие ведомства, ведущие учет ученых-репатриантов, когда-либо получивших работу в рамках той или иной государственной программы поддержки ученых, при этом нигде не фиксируют, сколько трудоустроившихся впоследствии лишились работы. Иными словами, считается, что если ожидания ученого приняты в то или иное исследовательское учреждение, значит государство решило его проблему. Однако реальная картина далеко не такова. По данным нашего исследования, каждый пятый из устроившихся на работу ученых впоследствии ее теряет – как правило, по той простой причине, что истекают сроки трехлетней стипендии Центра абсорбции (стипендии Шапиро). Поэтому предпосылка, согласно которой время рабо-

тает лишь во благо, неверна. На самом деле, с возрастанием срока пребывания ученых-репатриантов в Израиле их профессиональная абсорбция далеко не всегда меняется к лучшему. В действительности же, начиная с 1994 года ситуация с трудоустройством ученых никак не улучшается. Во-первых, если от общего числа прибывших в страну репатриантов работу находят 13%, то среди ученых этот показатель составляет 25%, то есть почти вдвое больше; в выборке со средним сроком пребывания в стране более семи лет почти четверть опрошенных (25%) никогда не работали в Израиле по специальности. Во-вторых, важно отметить, что, по нашим данным (см. табл. 5), среди нашедших работу ученых каждый пятый ее в дальнейшем теряет — и подобная статистика нигде не ведется; иными словами, 15% опрошенных нашли работу, в той или иной мере соответствующую их квалификации, однако потеряли ее — как правило, в связи с прекращением финансирования в рамках фонда Шапиро. При этом процент ученых, потерявших работу, среди не владеющих английским, в два с половиной раза выше, чем среди знающих этот язык (22% против 9%). Израильские ученые (как и израильское общество в целом), видевшие на своем веку многочисленные волны иммиграции, терпимо относятся к незнанию иммигрантами иврита (“все мы когда-то его не знали”), однако знание английского языка воспринимают как своего рода индикатор принадлежности к научному сообществу. В Израиле английский знают все ученые, и того же они ультимативно ждут от своих коллег из СНГ. Как результат, те из них, кто не соответствует этим ожиданиям, чувствуют себя много хуже.

Таблица 5

Процент работающих и потерявших работу среди владеющих и не владеющих английским языком

Категория респондентов	Среди владеющих английским языком (N=78)		Среди не владеющих английским языком (N=52)	
	N	%	N	%
Никогда не работали по специальности в Израиле	20	25,6	12	23,5
Работали по специальности, но не работают сейчас	7	9,0	11	21,6
Работали и продолжают работать по специальности	51	65,4	28	54,9

Представленные таблицы подводят нас к выводу, что в процессе абсорбции ученых необходимо заново рассмотреть рамки и принципы работы структур, ответственных за языковую подготовку репатриантов в Израиле. Среди опрошенных 89% выступают за создание отдельных интенсивных языковых курсов для ученых (сегодня на подобных оплачиваемых государством курсах учатся совместно люди различных специальностей), при этом 73% считают что на этих курсах следует также уделять внимание углубленному и расширенному преподаванию английского языка (в настоящее время на подобных курсах преподается только иврит).

Хорошее знание английского является в Израиле своего рода “маркером” принадлежности не только к элите, но и к образованному среднему

классу [23]. Еще во времена Британского мандата (1920–1948) английский язык стал “языком межнационального общения” между жителями (евреями и арабами) и властью [24]. В первые годы государственной независимости (в 1948–1951 годах) в Израиль иммигрировали сотни тысяч евреев-выходцев из арабских и мусульманских стран (от Марокко на севере до Ирана на юге), многие из которых (в особенности, принадлежавшие к среднему сословию) владели французским языком, при этом совсем не зная английского. В подобной ситуации, особенно учитывая напряженный характер взаимоотношений между британской мандатной властью и еврейским ишувом¹, а также усилия правительства, направленные на создание национальной культуры на иврите [25] и освоение иврита всеми иммигрантами, имелись все предпосылки для изменения статуса английского языка в Государстве Израиль. Однако действительность оказалась иной: усилия правительства по насаждению иврита привели к практически полному “стиранию” языков восточной диаспоры, в том числе французского (его не знает практически никто из внуков тех, кто лишь полвека назад владел им на весьма высоком уровне), а интеграция Израиля в процессы глобализации, а также все более тесные политические, экономические, военные и культурные связи с американским правительством – основным союзником Израиля – и еврейской диаспорой США сохранили высокий статус английского языка в стране [26]. В то время как в СССР даже и в конце 80-х годов не более 55% школьников учили английский (примерно 35% учили немецкий, остальные 10% – французский и другие языки) [подр. см.: 27], в Израиле английский учат все, причем учат, как правило, намного лучше, ибо удельный вес носителей языка (native speakers) среди преподавателей английского в Израиле достигает 40%! Успешная сдача экзамена по английскому языку (как письменного, так и устного) является неотъемлемым условием получения аттестата зрелости и поступления в любой университет. Многие работодатели считают приличное владение английским обязательным при приеме на работу, в особенности на должности, подразумевающие высокий оклад и статус. Знание английского языка (пусть далеко не совершенное), способность подготовить статью и заявку на грант на английском языке являются в глазах израильских ученых неотъемлемыми чертами тех, кто может претендовать на вхождение в научное сообщество и сколько-нибудь равноправный диалог с ними. Отсюда следует, что так как примерно 40% ученых-репатриантов не учили английского языка, при определении их квалификации и профессионального уровня необходимо принимать в расчет и публикации на немецком и французском языках, чей статус в израильском академическом мире, как правило, невысок. Вместе с тем сами ученые-иммигранты должны учить английский – пусть даже в ущерб ивриту.

В целом, 51% ученых-иммигрантов выразили удовлетворение собственной профессиональной абсорбцией в Израиле; еще 23% более или менее довольны; лишь 26% не удовлетворены своей профессиональным поло-

¹ Ишув (букв. – поселение) – еврейское население Палестины – Эрец Исраэль до создания Государства Израиль; принято различать “старый ишув”, существовавший до начала первой волны репатриации, и “новый ишув”, возникший в результате алии 1881–1948 годов.

жением. Нельзя не признать эту ситуацию большим достижением. Начиная свою трудовую жизнь в стране с работ малоквалифицированных, создавая неформальные общественные организации и неофициальные структуры, иммигранты из бывшего Советского Союза, прибывшие в страну в 1990-е годы, менее чем за 10 лет стали неотъемлемой частью израильского общества. По своим достижениям и человеческому потенциалу русскоязычные иммигранты во многом приближаются к израильскому среднему классу, и процесс их интеграции в него уже начался. В то же время, вряд ли можно утверждать, что в следующих поколениях их “русскость” исчезнет сама собой. Степень и формы, в которых “русскость” сохранится как отдельный культурный феномен (наряду с овладением репатриантами ивритом) зависит от тенденций развития как израильского, так и мирового сообщества. В том случае, если культурная секторальность израильского общества сохранится, не исключено, что “русские” израильтяне станут одной из интегральных частей Израиля, продолжая при этом передавать своим потомкам русский язык и культуру. Это предполагает наличие частично автономной системы образования, русскоязычных СМИ, городов с преимущественно “русским” населением и сохранение иммигрантами своего аутентичного мировоззрения и образа жизни. Такая тенденция будет зависеть от возможности продолжения тесных контактов с метрополией и русскими общинами других стран (еврейскими и нееврейскими). Если “русские” культурные и экономические позиции в мире окрепнут, а политика либерального мультикультурализма, взятая на вооружение, например, в Австралии и в Канаде [28], привьется и в Израиле, “русская” община Израиля имеет все шансы консолидироваться и продолжать свое существование. Вне всякого сомнения, ученые будут одними из лидеров этой общины, и уже сегодня присутствие в парламенте страны профессоров Михаила Нудельмана (депутата от партии “Наш дом – Израиль”), Виктора Браиловского (депутата от Движения за перемены) и Марины Солодкиной (депутата от партии “Израиль на подъеме”) является очевидным индикатором этого набирающего силу процесса.

Литература

1. Adler S. The Governmental Center for Absorption in Science // The Proceedings of Seminar “Two Ways of Integrating Immigrants: Israel-Sweden”. — Stockholm, 1987. — P. 52–56.
2. Stone R. Israel Hits Reach Seam in Ex-Soviet Immigrants // Science. — 284. — 6(4). — P. 893.
3. Лоевский Е. Проект КАМЕА: проблемы остаются // Вести. — 2000. — 11 апреля. — С. 6.
4. Kimmerling B. State Building, State Autonomy and the Identity of Society: The Case of the Israeli State // Journal of Historical Sociology. — 1993. — 6(4). — P. 396–429.
5. Gidron B. The Evolution of Israel’s Third Sector // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. — 1997. — 8(1). — P. 11–38.
6. Kimmerling B. The New Israelis: Multiple Cultures without Multiculturalism // Israel Studies. — 2000. — 4 (1). (forthcom.).
7. Barber B. Science and the Social Order. — New-York, 1952.
8. Menshikov L. Job Placement of New Immigrant Scientists // International Conference on Immigration, Language Acquisition and Patterns of Social Integration. — Jerusalem, 1994, June 29–30.

9. *Toren N.* National Cultures of Science. A Study of Soviet and American Immigrant Scientists in Israel // *Science and Public Policy*. — 1994. — 9. — P. 129.

10. *Подражанский С.* Судьба ученого евруса в стране квадратных помидоров // *Вести*. — 1999, 24 июня. — С. 18–20; 1999, 8 июля. — С. 18–19.

11. *Epstein A.* The Challenge of Excellence as a Response to the Difficulties of Absorption: New Immigrants in the Israeli Education System // *The Jews of the Soviet Union in Transition*. — 2000. — 19. — P. 181–195 [на иврите]; *Epstein A., Kheimets N.* Immigrant Teachers' Educational Initiatives in the Society of the "Separatist Pluralism": The Case of 'Russian' Elitist Schools in Israel // 16th Conference of the Association for Israel Studies. — Tel-Aviv, 2000, June 25–27.

12. *Leshem E., Lissak M.* Development and Consolidation of the Russian Community in Israel // *Roots and Routs: Ethnicity and Migration in Global Perspective*. — Jerusalem, 1999. — P. 136–171.

13. *Lissak M., Leshem E.* The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration // *Israel Affairs*. — 1995. — 2(2). — P. 20–36.

14. *Kheimets N., Epstein A.* Between Two Models of Nation-Building: Theoretical Framework for the Analysis of Multilingual Identity of Russian Jewish Intelligentsia in Israel // *Language Problems and Language Planning at the Millennium: 7th conference of ISSEI*. — Bergen, 2000, August 14–18.

15. *Ben-Rafael E., Olshaitan E., Gejist I.* Identity and Language: The Social Insertion of Soviet Jews in Israel // *Russian Jews on Three Continents. Emigration and Resettlement*. — London, 1997. — P. 364–388.

16. *Kent D.K.* The Refugee Intellectual. — New-York, 1953. — P. 41–58; *Fermi L.* Illustrious Immigrants. The Intellectual Migration from Europe. — Chicago; London, 1968.

17. *Rajzman R., Semyonov M.* Models of Labor Market Incorporation and Occupational Cost among New Immigrants to Israel // *International Migration Review*. — 1995. — 29(2). — P. 375–393.

18. *Ashby E.* Scientist in Russia. — Harmondsworth, 1947. — P. 203–204.

19. *Gross-Solomon S.* Reflections on Western Studies of Soviet Science // *The Social Context of Soviet Science*. — Boulder, 1980. — P. 20.

20. *Toren N.* Science and Cultural Context. Soviet Scientists in Comparative Perspective. — New-York, 1988. — P. 76–77.

21. *Shye S., Duchin R., Savelzohn O., Rimor M., Weil M., Rotstein E., Kaufman T., Lev-Ari R.* The absorption of immigrant scientists. Evaluation report (Submitted to the Israeli Ministry of Science and Technology, 1993). — P. 33–36 [на иврите].

22. *Eyal B.* A Decade of Aliyah of Academics: Interim Summary // *The Jews of the Soviet Union in Transition*. — 2000. — 19. — P. 158–180 [на иврите].

23. *Ben-Rafael E.* Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel. — Oxford, 1994; *Cooper R.* Language and Social Stratification among the Jewish Population of Israel // *Readings in the Sociology of Jewish Languages*. — Leiden, 1985. — P. 65–81.

24. *Spolsky B., Cooper R.* The Languages of Jerusalem. — Oxford, 1991.

25. *Even-Zohar I.* The Emergence of a Native Hebrew Culture in Palestine, 1882–1948 // *Studies in Zionism*. — 1981. — 4. — P. 167–184.

26. *Spolsky B.* The Role of English as a language of maximum access in Israeli language practices and policies // *Studia Anglica Posnaniensia*. — 1998. — 33. — P. 377–398; *Spolsky B., Shohamy E.* Language in Israeli Society and Education // *International Journal of the Sociology of Language*. — 1999. — 137. — P. 93–114.

27. *Dunstan J.* Paths to Excellence and the Soviet School. — S.I., 1978. — P. 112; *Henning D.* Foreign-Language Teaching in the Baltic Republics in the Past and Present // *European Education*. — 1994. — 26. — P. 55.

28. *Epstein A.* State-Mediated "Hierarchy of Diversities" and the Freedom of Individual Self-Identification: Towards a Dynamic Liberal Model of Multiculturalism // *New Global Development: Journal of International and Comparative Social Welfare*. — 1999. — 15. — P. 36–51.